

14-летний судостроитель

НИКОЛАЯ СПИРИДОНОВА НАЗЫВАЮТ ХРАНИТЕЛЕМ ПАМЯТИ О БАЛТИЙСКИХ МОРЯКАХ

Всю войну проработав на Балтийском заводе, в свои 85 лет он не только продолжает трудиться на этом предприятии, но и восстанавливает воинские захоронения, собирает сведения о погибших в блокаду моряках и судостроителях. И чаще всего это ему приходится делать в одиночку.

СОГЛАСИТЕСЬ, не часто видишь, когда мужчины плачут. Рассказывая о блокаде, Николай Васильевич тщательно скрывает слезы, но только голос его предательски дрожит, выдавая волнение. Когда началась война, ему было всего 12 лет. Семья Спиридоновых жила на 26-й линии Васильевского острова в большой коммунальной квартире. «В 1941 году я как раз закончил пятый класс. Помню, никто поначалу не ожидал, что немцы нападут на нашу страну. Понимали, что война — это несчастье. Но думали, что она должна быстро закончиться», — рассказывает он. Такой же неожиданностью для многих стало и то, что уже в сентябре город оказался в кольце блокады. По этой причине многие ленинградцы не успели эвакуироваться. Потом, когда уже в городе начался голод, появилась еще одна возможность уехать на Большую землю. «Мама вдруг засобиралась, собрала узелок. Подняла его и прямо с ним повалилась на пол. После чего сказала, что никуда мы не поедим и умирать будем вместе. Так мы и остались», — вспоминает Николай Васильевич.

Отца на фронт не взяли, оставили по брони как ценного специалиста. Он возглавлял автоколонны, которые уходили с Балтийского завода с техникой и боеприпасами на передовую. Мать работала в заводской столовой. Николай Васильевич говорит, что как раз это и помогло их семье выжить. Кроме того, он считает, что они остались живы и благодаря тому, что заводская проходная находилась практически рядом с их домом, и даже в лютые морозы, когда улицы были занесены сугробами, дойти до работы можно было, опираясь о стены дома. «Все пришлось пережить. Бомбежки, голод. Все это так ужасно, что я сегодня стараюсь об этом не вспоминать и никому не рассказывать. Хотя до сих пор перед глазами стоит картина: идешь по улице, а на дороге лежит человек, протягивает к тебе руки и просит хлеба», — вспоминает он.

Сохранилось и такое страшное воспоминание: в городе не осталось ни кошек, ни собак. Но каким-то чудом осталась жива крыса, которая каждый день приходила в комнату, где он спал, когда родители уходили на работу. «Она сама чуть живая сидела и ждала, когда я умру. Когда засыпал, то просыпался оттого, что крыса забиралась мне на грудь. Тогда я вскакивал и сбрасывал ее», — говорит Николай Васильевич.

Но все-таки самым страшным днем блокады он считает тот день, когда в феврале 1942 года папин друг потерял хлебные карточки. Потом узнал, что вскоре все в этой семье умерли от голода. Потерять карточки в блокаду было равносильно смертному приговору. Только из папиной родни в блокаду умерли 11 человек. И все они похоронены на Пискаревском кладбище.

И еще одно блокадное воспоминание:

Николай Спиридонов. Послевоенное фото.

для того чтобы согреться в морозы, сначала пришлось сжечь всю мебель, потом книги... Но больше всего Николай Васильевич сегодня жалеет о том, что пришлось бросить в огонь и картину. «Мой дядя Саша был художником. И он нарисовал мой портрет. Мне он очень понравился. Зато я тогда узнал, что картины горят быстро», — говорит Николай Васильевич.

В конце 1943 года, когда Николаю Спиридонову исполнилось 14 лет, его взяли на Балтийский завод в молодежную бригаду электромонтажников. «Условия работы были тяжелые. Морозы под тридцать градусов, кругом металл, покры-

тый инеем, а мы голыми руками выполняем работу по установке схемы размагничивания для минных тральщиков. В блокаду, считай, вся Балтика была усеяна минами. Наши корабли и подводные лодки не могли выйти из Кронштадта. И был приказ — строить тральщики», — рассказывает он.

В молодежной бригаде было пять человек. Самому старшему только что исполнилось восемнадцать. Всего за годы войны на Балтийском заводе было построено 38 минных тральщиков. Ребята работали круглосуточно. Днем и ночью. «Мы понимали: там, на фронте, гибнут наши отцы, братья, товарищи. И мы должны сделать все возможное и невозможное для фронта, для победы», — говорит Николай Спиридонов.

Когда закончилась война, всю молодежную бригаду пригласили в Смольный. Поблагодарили за самоотверженный труд и даже пообещали присвоить звание Героев Социалистического Труда. Но не случилось.

После войны Николай Васильевич остался работать на Балтийском заводе. Трудился электромонтажником на строящихся кораблях, разметчиком по чертежам, вел работу в машинных отделениях и электростанциях, был старшим электриком на плавсредствах. Он продолжает трудиться на этом предприятии и сегодня. «Почему я это делаю?» — переспрашивает Николай Васильевич. И тут же говорит, что делает это во имя памяти тех, кто погиб в блокаду. Ведь из 350 человек, которые работали на Балтийском заводе в годы войны, Василий Спиридонов остался один.

То, что делает сегодня Николай Васильевич во имя того, чтобы увековечить память моряков

и судостроителей Балтийского завода, — отдельная страница истории. Сам себя он даже называет хранителем памяти о моряках Балтики. Вот только один из примеров этой его работы. На его глазах в первые дни войны бомба попала в крейсер «Максим Горький». Экипаж погиб. И никто не знал, где он захоронен. Несколько лет назад на Богословском кладбище нашел Николай Васильевич заросшие бурьяном плиты с 28 фамилиями и воинскими званиями погибших моряков. «Я тогда несколько раз на кладбище ездил, кустарники спиливал ножовкой. Наводил порядок. Потом сложил щиты с именами моряков и повез их в своей сумке через весь город на завод», — рассказывает он. Обратился за помощью к начальству: сначала в профсоюзный комитет, потом к директору Балтийского завода, а затем и в администрацию Калининского района. И хотя отказа нигде не получил, но и конкретной помощи не дождался. Тогда Николай Васильевич сам нарисовал чертеж будущего памятника, друзья помогли его изготовить, выгравировать имена погибших. Зять помог довести все до кладбища. Заливал фундамент и устанавливал монумент Николай Васильевич на свои деньги. А еще написал на нем слова, которые легли от чистого сердца: «Ваша короткая жизнь — как вдох, как луч света и капля воды. Наши любимые, родные герои, России сыны!»

Зато теперь каждый раз, когда Николай Васильевич приезжает на Богословское кладбище, он видит у этого памятника цветы. Могила не стала бесхозной.

А еще в его планах — увековечить имена судостроителей, работавших в блокаду на Балтийском заводе. Памятную плиту с их именами он уже сделал. Осталось только получить разрешение от руководства завода, чтобы ее установить.

Светлана СМЕРНОВА

Николай Васильевич не только продолжает трудиться на родном заводе, но и ведет активную общественную жизнь.

Балтийский — один из заводов, работавших всю войну.